

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 4. С. 3–10.

УДК 101.1

ОБ ОДНОЙ ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

Рыскельдиева Л.Т.

Статья характеризует наличие метафизической компоненты в качестве одной из важных отличительных черт философского текста. Утверждается, что её наличие обуславливает неизбежность присутствия в тексте метафорических выражений. Предлагается рассматривать особое внимание к метафорам в качестве элемента профессиональной самодисциплины философа.

Ключевые слова: философский текст, метафизика, метафора.

Предметом исследования является философский текст. **Цель** исследования - выявить метафизическую компоненту в качестве специфической характеристики философского текста.

То, что в современной философии принято называть «поворотом к языку» можно выразить следующим образом: что прежде для философов было объективной реальностью или бытием, теперь стало языком; что прежде было предметом познания или объектом исследования, теперь стало текстом. И в этом легко увидеть резон - ведь собственно философская деятельность во все времена была текстовой, а чтение и письмо всегда были основными занятиями философа. Какой бы ни была философия и философская культура, будь то «странствия души» в диалогах Платона, «феоретические» размышления Аристотеля, поучения древнеиндийских мудрецов, у ног которых собирались ученики, или строгая герменевтика слов Будды в энциклопедии Васубандху - результатом всех философских поисков оказывался текст.

Текст этот мог быть и не письменным. И Сократ, и Гаутама, и учитель Кун - это мудрецы, архетипические фигуры для разных философских традиций, их личности, опыт и слова можно считать источниками смысла этих традиций. Это личности особого типа, их отказ от письма, «письменное молчание» служит гарантом длительности и самосохранения традиции, основой постоянно возобновляющихся попыток интерпретации и оценки, переосмысления и анализа. Это личности, значимые для всей культуры - и религии, и морали, и искусства, и философии.

Осмысленный текст - это «рабочее место» философа, с его помощью осуществляется то, без чего невозможна философия как профессия и философия как призвание. Именно поэтому есть непроходимая грань между текстами культуры и философскими текстами: в отношении мифов и эпоса, кино и театра, идеологии и политики возможны любые аналитические, деконструктивистские и грамматологические процедуры, но любая операция с философским текстом неизбежно влечет за собой ответственность оперирующего. Тексты культуры - поэзия, театр, музыка, религия и др. - создаются как её выражение и воплощение в соответствующих формах, они по-своему структурируют так называемую «текстуру» то есть, материал жизни и опыта личности, принадлежащей этой культуре и выражающей себя на её языке. В каждом тексте культуры есть мифопоэтический, народный, популярный и анонимный слой - это нормально и неизбежно, но представить себе «философский фольклор» или анонимный философский трактат нельзя (хоть и «Псевдо-», но всё-таки Дионисий!). Автор и написанного, и прочитанного философского текста здесь главное действующее лицо, так сказать, текстопорождающий механизм. Именно поэтому анализ и деконструкция любого философского текста неизбежно касаются личности его автора, а анонимными в мире философии могут быть только анонимки.

Если в начале 20 века Э. Гуссерль признавал главной опасностью для философии и истины так называемый «психологизм» как результат серьёзного влияния психологии, то в начале 21 века такую опасность представляет «филологизм» как результат серьёзного влияния филологии. (К слову сказать, плодотворной реакцией на эту опасность стала семиотика, в наше время распространяющая свой анализ на широкую сферу культуры). Так называемый «филологизм», сказывается, прежде всего, в стилистике философских текстов, освобожденных от композиционной, структурной, логической и концептуальной строгости, от любых обязательств по отношению к читателю. Однако его более глубокое влияние простирается в сферу смысла, и от этого в самой большой степени может пострадать совокупность историко-философских исследований, которые подходят к философским текстам так же, как и к любым другим, и рассматривают философский текст как разновидность литературы, а саму философию как вид свободного творчества. Апология эссеистики и философской литературы вкупе с нечеткой фиксированностью и размытой направленностью сознания автора текста и порождают тексты, предметом или объектом дескрипции которых является, например, «Всё» или «Целое» [см., например, 1].

Отношение философов к метафоре и её роли в философских текстах далеко от единодушия. Это отношение можно рассматривать как ещё один вариант основного вопроса философии, решение которого делит философов на разные лагеря. Один из них объединяет последовательных сторонников метафоры, их позиция ярко выражена, например, Х. Ортегой-и-Гассетом («Две великие метафоры») [см. 2], который считал, что без метафор в деле познания мира не обойтись вовсе. Метафоры, по его мнению, подобны орудиям труда, как бы удлиняющим руку человека, или удочке, позволяющей поймать то, что не способна схватить рука. Без метафор, утверждает Ортега, в сфере познания образуется как бы слепая зона, недоступная интеллекту, метафора и есть форма научной мысли.

Одним из главных апологетов метафоры и её дискурсивной ценности следует считать автора проекта «универсальной герменевтики» П. Рикёра («*Metaphore vivte*») [см. 3]. Ему удалось подвергнуть анализу смысл и роль метафоры в тексте и обнаружить в ней работу механизма творческой способности - мы «творим смысл», когда вместо привычного «семантического пространства» обнаруживаем новое, «сквозь» или «под» которым обнаруживается некое «сопротивление слов в их обычном употреблении» [3, с. 71]. Метафора, по Рикёру, есть средство преодоления уже данного, «готового» языка нашей культуры, языка, который уже находится «в нашем распоряжении». Он утверждает, что метафора несет в себе «феномен семантической инновации» [3, с. 72], дающий то, что не могло быть сказано раньше.

Последнее время изучение метафор и их роли в процессе познания и мышления весьма активно переместилось в широкую область когнитивных исследований, в частности, и в когнитивную лингвистику. Э. МакКормак, например, выдвинул версию интеракциональной природы метафоры, согласно которой метафора есть результат когнитивного процесса, сопровождаемого эмоциональным напряжением - оно вызвано тем, что метафора связывает такие предметы, которые в обычной речи не связываются. Таким образом, метафору, по МакКормаку, можно описать и как когнитивный, и как культурный процессы: «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой. Новые метафоры изменяют повседневный язык, которым мы пользуемся, и одновременно меняют способы нашего восприятия и постижения мира» [см. 4].

Ярким и классическим выразителем позиции противников метафоры можно считать Т. Гоббса. Как истинный аналитик и основатель семиотики он утверждал, что свет естественного разума как источник философских истин, связан с простотой и ясностью языка - будучи освещен разумом, язык не может содержать метафор, ибо они «откровенно обманывают». Их не может использовать тот, кто хочет отыскать истину или научить этому других, но зато их может использовать тот, чья цель – понравиться слушателю. Со всей прямотой, свойственной аналитику, Гоббс пишет: «...метафоры в этом случае абсолютно исключены, ибо раз мы видим, что они откровенно обманывают, то было бы явным сумасшествием допускать их в совете или рассуждении» [5, с. 53]. Кроме того, использование в рассуждении метафор, по Гоббсу, является одной из причин появления абсурда, нонсенса, который, к тому же, крайне вреден. Рассуждать с помощью метафор – «значит бродить среди бесчисленных нелепостей. Результат, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение» [5, с. 36].

На маргинальности метафорических выражений настаивает, например, один из видных современных аналитиков Д. Дэвидсон [см. 6]. Он утверждает тщетность любых попыток объяснить, прояснить, установить правила использования метафорических выражений и, что главное, понять то, как метафоры понимаются, как они «работают»: «Ни одна теория метафорического значения или метафорической истины не в состоянии объяснить, как функционирует метафора» [6, с. 355]. Её особенностью он считает некий «артистизм», способность вызывать «чувство новизны», порождать эмоции, однако при этом, по его мнению, следует констатировать парадоксальное отсутствие у метафоры какого-нибудь другого

значения, кроме буквального: «метафоры означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своём буквальном значении» [6, с. 336]. Гораздо больше, чем значение, важен смысл метафор. Суть метафорических выражений, следовательно, состоит в том действии, которое оно оказывает на читателя, поэтому семантический анализ метафорических выражений неплодотворен: «Все теории, рассмотрением которых мы занимались, неправильно понимают свою цель. Они выдают за метод расшифровки скрытого содержания метафоры то воздействие, которое она оказывает на нас» [6, с. 358]. А воздействие это, по мнению Дэвидсона, может быть «путеводным», метафора может помочь нам увидеть то, что до этого нам не было видно, метафора есть некое «как» видения нового, способ прозрения: «Метафора, делая некоторое буквальное утверждение, заставляет нас увидеть один объект как бы в свете другого, что и влечет за собой прозрение» [6, с. 361]. Область метафоры, таким образом, становится областью практической, областью перформативов как действий, осуществляемых в языке.

Итак, вне сомнения, следует отметить важность роли метафор в философских текстах. Какова же конкретно эта роль? Бессмысленны ли словосочетания «философская литература» и «философская поэзия», каков их статус в философском текстовом пространстве? Очевидно, маргинальный, пограничный и, тем не менее, весьма значительный. Кто лучше О. Манделштама выразил проблему телесности: «Дано мне тело, что мне делать с ним, таким единым и таким моим?» Кто точнее М. Пруста показал феномен времени? Кто лучше Ф.М. Достоевского обозначил пропасть между сущностью и существованием? Кто лучше Дж. Джойса погрузил в микро-мегамир? Поэты и писатели могут стать философами - когда им удалось пережить и осмыслить метафизический опыт, но когда дисциплинарно они не встроены в философскую культуру или определенную философскую традицию. Художественные средства бывают востребованы и философами - когда, пережив метафизический опыт и будучи конечным, телесным существом, они не оставляют надежды на адекватное выражение этого опыта и используют вместо идей и понятий образные, метафорические средства выражения.

Значит, главное отличие философского текста от художественного обнаруживается как бы на «границе» мира физического - в зоне метафизики, поэтому вопрос о специфике философского текста напрямую связан с ответом на вопрос, что такое метафизическое.

Метафизика, которая долгое время в современной философии была сродни чемодану из анекдота («и нести тяжело, и бросить жалко»), в начале 21 века переживает небольшую волну интереса к себе. Он выражается не только её давними сторонниками, но и стойкими противниками из числа представителей аналитической философии (например, П. Стросон и У. Куайн). А поворот к обыденному языку, совершенный в рамках аналитической философии поздним Л. Витгенштейном, возродил интерес к самой фигуре «метафизического умолчания» - тому, о чём нельзя высказаться ясно. Напротив того, гуманитарно-герменевтически ориентированная философия 20 века оказалась вне метафизики, в основном, по причине феноменологии, пытавшейся сделать из усмотрения сущностей строгую науку с разработанными технологиями редукции всего физического и культурного.

Создается, однако, убеждение, что все возможные апологетические по отношению к метафизике процедуры будут безуспешными, если сохранятся 2

основные предпосылки: 1) обоснование необходимости метафизического знания и поиск его практического применения; 2) сохранение дисциплинарной встроенности метафизики в корпус философского знания, мысль о метафизике как о некоем «разделе» философии. Что же можно противопоставить этим (перипатетическим по духу) предпосылкам, возрождение которых нельзя прогнозировать, но нельзя и избежать?

В этой связи радикально отличается отношение к метафизике М.К. Мамардашвили [см. 7], который под метафизикой понимает познание высших принципов, первоначал бытия и условие, при котором возможно это познание, утверждает произвольность акта метафизической рефлексии и говорит о его неангажированности целями и потребностями философа. Другими словами, метафизика, по Мамардашвили, - это сверхопытная добавка к знанию, обнаружение которой есть уникальный экзистенциальный акт, делающий человека философом, метафизический акт, первичный по отношению к философскому опыту, событие философа. Дескрипция именно этого акта неизбежно требует метафор и в текстах самого М.К. Мамардашвили это метафоры «пробуждения», «страха», «смерти» и др. Мы же попытаемся использовать метафору тигеля.

Первое значение этого слова (прочный сосуд для плавки и варки) указывает на «прочность» как величину-величие души философа, её здоровье и целостность как условия сохранения полноты жизненного опыта, нормальности и вмняемости, способности к самоанализу. Прочность тигеля подобна тому, что И. Кант называл «спонтанностью», это самостоятельность мысли, позволяющая выдерживать, длить, расширять до размеров всей души аффекты или страсти, переплавлять их в дух. Второе значение слова – плита печатного станка, которая прижимает бумагу к печатной форме, буквам, фигурам, знакам и силой своей тяжести производит текст. Зададим вопрос: если уподобить метафизический опыт тигелю, то что будет представлять собой метафизический текст, каким образом можно выразить метафизический опыт, вместить метафизическое содержание в связную совокупность осмысленных суждений? Возможно ли суждение на основе метафизического опыта? Ответ: нет, оно невозможно. Не может быть логически корректного метафизического текста. Если суждение должно выразить единство и связность всего опыта, сделать предметом высказывания смысл целого и если, при этом, это единство реализуется в актуальности мысли, то время остается непреложным условием, а предметность - неустранимым свойством мышления.

Когда и как осуществляется такое мышление? Следует ли допустить другое время или особую пустую предметность? Допущение другого, неисчислимого внутреннего времени может относиться к человеку как носителю другого, нефизического опыта, его мышление должно быть чистым, непредметным. Это уже не обычный физический индивид, а метафизический субъект, внутреннее виртуальное полагание которого позволяет давать ответ на вопрос о том, кто такой философ. Может ли такой субъект быть автором особого текста? Логическая некорректность и даже невозможность чистого метафизического текста хорошо эксплицирована аналитической традицией, антиметафизической по стилистике и интенции. Чистый метафизический текст действительно «пуст», его смысл - «шуньята» Нагарджуны, показавшего невозможность использования никаких, даже сакральных понятий для адекватной вербализации метафизического состояния.

Пустота обнаруживается именно в момент связи понятий, при использовании необходимого языкового инструментария. Каждое из метафизических понятий-слов показывает свою «пустотность», попадая в высказывание, осмысленность которого должна обеспечиваться тем, что в качестве понятий в нем фигурируют знаки-имена, слова, которые что-то называют. Однако метафизические слова - это не имена, или, точнее, не совсем имена, ибо у них есть содержание (мой метафизический опыт), но нет объёма (непредметный). Чистый метафизический текст, таким образом, стремится к самоорганизации по аналогии с текстом предметного мышления, как если бы непредметная мысль имела бы свое «что». Именно поэтому мы склонны все же интересоваться: если «вера», то во что? если «абсолют», то какой? если «смысл», то в чем? если «разум», то зачем? И др. Именно к такому «неправовому» мышлению обращается Л. Витгенштейн, когда просит молчать о том, о чем нельзя сказать ясно.

Если уподобить метафизический опыт тигелю, то что означает его тяжесть и сила, с которой осуществляется давление на форму и бумагу? Как сказывается себя реальность метафизического опыта? Возможна ли осмысленная связь высказываний на его основе? Ответ: нет, невозможна, но непременно должна быть. По отношению к метафизическому опыту невозможно вытеснение, его нельзя забыть и нельзя вспомнить, пережить заново. Но если приложить усилия и попытаться осуществить должное, то есть, сопряжение метафизического субъекта и обычного человека в одном лице философа, предметное и непредметное мышление, «пустоту» и осмысленность, то в ход могут пойти и метафоры. Философу при этом придется осуществить тонкую работу - перевести «пустые» метафизические слова в языковую реальность. Судя по всему, эта работа состоит в том, чтобы «укрыть» корневые образования доступными флективными способами, чтобы «смысл» мог превратиться в осмысленность (жизни), «абсолют» в абсолютность (принципов), «вера» стала уверенностью (в себе), «разум» - разумностью и др.

В конечном счете, различия во взглядах философов на метафору и её роль в философии можно обнаружить в том, что одни авторы практически используют метафору в своих текстах, а другие теоретически анализируют её роль и значение. С какой же целью можно использовать метафоры в философских текстах? На наш взгляд, этот вопрос тесно связан с вопросом о роли и месте метафизики в философском дискурсе: если мы признаем, что метафизика в нем необходима и неустранима, то у метафоры следует признать особую продуктивную силу. Если же метафизика бесплодна, вредна, а философия призвана стать истинной «терапией» от метафизических проблем, то метафор следует сторониться. Текст, по своему замыслу, свободный от метафоричности, есть текст науки, структурные единицы которого есть термины. Вполне вероятно, что вся терминология возникла из слов обыденного языка, вполне возможно все базовые научные понятия и основные философские категории представить в виде «бывших» метафор (впрочем, такого рода работа уже давно делается). Это обстоятельство никак не влияет на неустранимость аналитической ясности у всех понятий науки и необходимость каждому из них давать как можно более строгое определение, задавать границы (*terminus* - лат. предел, граница). Возможна ли строгость в отношении тех средств, которые использует метафизика при том, что философ должен выразить в языке именно свой неповторимый и уникальный, но каждый раз заново случающийся опыт осмысления мира? Как определить, например, «материю», «монаду»,

«мировой разум», «опыты», «мировую волю» и др.? Введением в философский лексикон этих слов их авторы проявили и свободу творчества, и интеллектуальные усилия для поисков адекватных средств выражения своей мысли и постигнутого ими смысла. Выразительные средства при этом могут быть предоставленными а) культурой и нести в себе её архетипы, б) эпохой и отражать веяния времени, в) языком и следовать сложившимся традициям. Тогда выбор конкретного средства будет давать возможность составить представление об авторе текста, его культурной принадлежности, предпочтениях и учителях, будет своеобразной визитной карточкой, идентификатором. В этом смысле в употреблении метафоры можно увидеть перформативный аспект - слово как действие, речь как акт, в котором автор как бы дает знать о себе, представляется (perform). Действительно, метафора «покрывала майи», например, ассоциируется с индийской философией, метафора «проснувшейся бабочки» с китайской, а метафора «пещеры» с платонизмом. Кроме того, они действительно производят семантический сдвиг, обновление, расширение и др., - как бы мы ни оценивали эффект этих действий. Другими словами, метафора в философском тексте играет две существенные роли: перформативную и семантически-новационную.

Выводы. Очевидно, что философский текст без метафор - это идеал, образец ясности, простоты и вразумительности. Язык философского текста при этом будет либо ясным и вразумительным языком «жизненного мира» и обыденного сознания, либо проясненным и подчиненным целям разума языком науки. Если это вообще возможно, то на пути к этому идеалу, когда обычные понятийные средства недостаточны, думается, можно прибегнуть и к образному средству, но с двумя, обязательными, на наш взгляд, условиями:

во-первых, использовать метафоры нужно осознанно, отдавая себе отчет, какую метафору и с какой целью мы используем, и,

во-вторых, следует стремиться к тому, чтобы это была одна, в каждом тексте именно одна метафора и введение каждой новой должно быть заново обосновано. Таким образом, одной из важных особенностей философского текста является особая дисциплина - самодисциплина - использования метафорических средств выражения смысла.

Список литературы

1. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / [под ред. Г.Л. Тульчинского и М.С. Уварова]. – СПб.: Алетейя, 2000. – 415 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Две великих метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с. С. 68 -82.
3. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет / Рикер П. // Герменевтика, этика, политика. – М.: АCADEMIA, 1995. – с.59-92.
4. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория Метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С.358 –386.
5. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т. //Сочинения в 2т. Т.2. – М.: Мысль, 1991. – с.3 – 547.

6. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Дэвидсон Д. // Исследования истины и интерпретации. – М.: Практис, 2003. – с.336 – 362.
7. Мамардашвили М.К. Неизбежность метафизики / Мамардашвили М.К. // Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – с.101-115.

Рыскельдієва Л.Т. Про одну з особливостей філософських текстів // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 4. – С. 3-10.

Стаття характеризує наявність метафізичної компоненти як однієї з важливих відмінних рис філософського тексту. Стверджується, що її наявність обумовлює неминучість присутності в тексті метафоричних виразів. Пропонується розглядати особливу увагу до метафор як елемент професійної самодисципліни філософа.

Ключові слова: філософський текст, метафізика, метафора.

Ryskeldieva L.T. On one of the features of philosophical texts // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 4. – P. 3-10.

The article defines a presence of a metaphysical component as one of the most important distinguishing features of a philosophical text. It is argued that its presence determines the unavoidable presence of metaphorical expressions in the text. It is proposed to examine a special attention to metaphors as a part of the professional self-discipline of the philosopher.

Keywords: philosophical text, metaphysics, metaphor

Статья поступила в редакцию 17.09.2012